

Метаописание деривационных отношений: специфика системной репрезентации

Meta-description of derivational relations: specifics of system representation

ALEXANDER BARKOVICH, *Minsk State Linguistic University*
albark@tut.by

Received: August 1, 2018.

Accepted: November 30, 2018.

АННОТАЦИЯ

Лингвистика всегда была зависимой от возможностей изучения сферы *функционирования* языка. Сегодня интерпретация статистически репрезентативного эмпирического материала позволяет создавать верифицированные метаязыковые описания на качественно новом уровне – с учетом практически неограниченного компьютерного опосредования языковых данных. Новые возможности позволяют предметно исследовать ранее практически недоступную для изучения *динамику* языка в контексте его реальных процессов, существенно приближая лингвистику к реальновременному измерению речи, дискурса, коммуникации. Соответственно, по-новому актуальной и всеобъемлющей стала проблематика системной репрезентации языка. Особый интерес в данной связи представляет изучение модификационных возможностей языковой системы – *деривационных*. Формальная выраженность деривационного процесса позволяет предметно изучать и описывать его в контексте *моделирования*. Важным аспектом лингвистического моделирования деривационных отношений является *терминологический*. При этом дискуссионными до настоящего времени являются вопросы метаязыковой идентификации самой *деривации* как феномена и её базовых элементов – *деривативов, деривантов, дериватов*. Лексико-семантическая интерпретация данной понятийной базы характеризуется существенным потенциалом метаязыковой репрезентации. Не менее в системном метаописании нуждается проблематика репрезентации модификационных возможностей языковой системы в грамматическом аспекте, традиционно важном в лингвистических исследованиях. Релевантные конструкты – *дериватемы, грамемы и флексиемы* – пока недостаточно изучены. В тоже время, на основе их семантически корректного структурирования, с учетом их металингвистической целесообразности, возможно создание комплексной *иерархической метамодели деривации*. Данная проблематика напрямую связана с *опозиционностью* – важной чертой языкового и метаязыкового структурирования. Оппозиционность является ключевой характеристикой целого ряда языковых отношений, оппозиционная специфика деривационных отношений характеризуется мотивированностью и результативностью. Реалии и перспективы использования лингвистических моделей в обеспечении современной коммуникации предполагает их непротиворечивость, последовательность и универсализм. Соответствие данным критериям – условие востребованности и эффективности метаописаний коммуникации.

Ключевые слова: деривация, метаописание, репрезентация, модель, системность, оппозиционность.

ANNOTATION

Linguistics has always been dependent on possibilities of studying the sphere of language *functioning*. Today, the interpretation of statistically representative empirical material makes real the creation of verified meta-language descriptions at the qualitatively new level – on the background of practically limitless computer mediating of language data. New possibilities allow objective studying of problems of language *dynamics* in the context of their real processes, that before were scientifically inaccessible. It makes Linguistics essentially closer to the real-time measurement of speech, discourse, and communication. Accordingly, the problem of the systemic representation of the language became newly challenging and all-encompassing. In this connection the investigation of the modification capabilities of the language system – particularly *derivational* ones – is of the utmost interest. The formal compatibility of manifestations of derivational process allows to study and describe it in the frames of *modeling*.

Terminological aspect of the linguistic modeling of derivational relations is important. With that, the issues of meta-language identification of the *derivation* on its own as a phenomenon and its basic elements – *derivatives*, *derivants*, and *derivates* – are debatable until now. The lexical-semantic interpretation of this notional basis is characterized by an essential potential of the meta-language representation. In the same way the problematics of representation of the modification possibilities of the language system in the grammatical aspect – traditionally important in linguistic studies – needs the systemic meta-description. Relevant constructs – *derivatememes*, *grammemes* and *flexionemes* – still are underexplored, too. With that, it is possible to create a complex *Hierarchical meta-model of derivation* on the basis of theirs semantically correct structuring, considering theirs metalinguistic expediency. This problem is directly related to *oppositonality* – an important feature of language and meta-language structuring. *Oppositonality* is the key feature of a wide range of language relations, the *oppositonal specifics* of derivational relations is characterized by motivation reasonability and effectiveness. The reality and perspectives of linguistic models – while providing modern communication – presuppose theirs consistency, non-contradictoriness and universalism. Compliance with these criteria is a condition for the relevance and effectiveness of meta-descriptions of communication.

Keywords: derivation, meta-description, representation, model, system, *oppositonality*.

1. Введение

Деривационные закономерности развития языка в значительной мере зависят от особенностей каждого конкретного языка. Вместе с тем, родство языков, выраженное в той или иной степени, и функциональность языка позволяют рассматривать деривацию как общую характерную черту коммуникационного процесса как такового. Разумеется, в условиях доминирования глобальных коммуникационных сетей речевая практика становится все более синкретичной. И универсальность коммуникации как феномена совсем не исключает рассмотрения её ключевых параметров в широком контексте. В то же время, сегодня объективная лингвистическая репрезентация часто предполагает анализ данных конкретного языка в сопоставлении с данными других языков. Для выявления системных особенностей деривационных отношений в нашем исследовании мы будем опираться на данные в первую очередь русского языка, обладающего широким арсеналом модификационных возможностей, привлекая релевантные обобщения практики из сферы функционирования ряда других языков, – прежде всего английского как наиболее распространенного средства межкультурного взаимодействия.

2. Деривация в метаязыковом аспекте

При наличии достаточно широкого круга практически обусловленных динамикой языка лингвистических задач их решение часто существенно осложняется отсутствием единообразного подхода к проблемной области и общности соответствующей понятийно-концептуальной рефлексии. Для системной репрезентации деривационных отношений очевидным приоритетом и стратегической целью в этом плане является создание метаязыковой инфраструктуры *деривации* как феномена. Очевидно, такая репрезентация должна обладать внутренней структурой, что принято ассоциировать с понятием *фрейма*, и сложной организацией, что принято ассоциировать с понятием *мета-модели*. Такой подход позволяет сохранять единообразие метаописания и его

стабильность в контексте чрезвычайно чувствительной к речевой практике динамики языка. В данном контексте объективная репрезентация, особенно с учётом современных реалий компьютерного опосредования языка, вряд ли возможна без устранения множественности в понимании и использовании важнейшего метаязыкового ресурса – *терминологического*. Актуализация потенциала референтной специфики – одна из основных задач данного исследования. Не менее важными задачами представляются создание принципиальной концепции *системного метаописания* деривационных отношений и моделирования, учитывающей динамику языковой системы. Релевантными в данной связи являются лексико-семантический и грамматический аспекты интерпретации метаязыковой и, соответственно, металингвистической семантики.

Итак, *деривация* как термин имеет латинские корни: *derivare* – ‘происходить, спускаться’ было образовано от *de* – ‘из, от’ и *rivus* – ‘поток, течение’. Через старофранцузский язык, где *dérivation* означало ‘уход, поворот’, лексема *dérivation* была заимствована в германский по происхождению английский язык, где как *derivation* приобрело значимость ‘вывод, образование, деривация’ (Online Etymology Dictionary). Лингвистическая значимость *деривации* была обоснована Е. Куриловичем – для характеристики словообразовательных процессов – что позволило предметно соотнести цели и задачи процесса развития языковой системы с метаязыковыми средствами его описания (Курилович, 1962). Сам термин является широкоизвестным и востребованным. Однако, несмотря на интенсивное изучение референтной проблематики, наблюдаются существенные расхождения в лингвистической интерпретации как самой единицы *деривация*, так и соответствующей терминотерминологической системы.

Целесообразно в данной связи обозначить рамки терминологической идентичности *деривации* в контексте языковой системы. Однако уже на этом этапе возникают серьёзные затруднения: метаязыковая характеристика *деривации* оказывается размытой и нечеткой. Так, в «Энциклопедическом словаре лингвистических терминов и понятий : русский язык» *деривация* прямо ассоциируется со словообразованием: «ДЕРИВАЦИЯ (лат. *derivatio* «отведение; словопроизводство»). 1. См. словообразование. 2. Образование простых производных слов. В этом значении исключается образование сложных слов, которые являются объектом *композитологии*» (Тихонов и др., 2008). Характерно игнорирование в данной дефиниции словоизменительного потенциала деривации. Возможно, на данную концепцию оказала влияние специфика англоязычной лингвистической традиции: в английском языке словоизменения практически нет, соответственно о нем редко и вспоминают. Однако для, например, русского языка подобные рамки явно тесны – а как описывать «словоизменение»? Конечно, отдельная система описания модификации языковых единиц для словоизменения была бы явно избыточной. Равно как и немотивированное «исключение» из деривационной парадигмы ‘образования сложных слов’ – композитологии. Подобное узкое толкование дается и в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой (1966): здесь *деривация* определяется исключительно как «аффиксальное словообразование».

В однотипном источнике «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило (2010) *деривация* толкуется уже более широко, но в пределах только лексического уровня языка: «ДЕРИВАЦИЯ [лат. *derivatio* отведение, отклонение]. Образование

слова в языке по существующим моделям с помощью аффиксации, чередования звуков, словосложения, стяжения, развития новых значений и др. средств». Однако, как показывает лингвистическая практика, нет никаких препятствий и для развернутой и многоаспектной рефлексии *деривации*. В частности, данная точка зрения нашла отражение в словаре «Языкознание. Большой энциклопедический словарь» (1998): ДЕРИВАЦИЯ (от лат. *derivatio* – отведение; образование) – процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае – путём «расширения» корня за счет аффиксации или словосложения, в связи с чем Д. приравнивается иногда к словопроизводству или даже словообразованию. Согласно более широкой точке зрения, Д. понимается либо как обобщенный термин для обозначения словоизменения и словообразования вместе взятых, либо как название для процессов (реже результатов) образования в языке любых вторичных знаков, в т. ч. предложений, которые могут быть объяснены с помощью единиц, принятых за исходные, или выведены из них путём применения определ. правил, операций».

Русскоязычная корреляция *деривации* с латинским языком в вышепротитированных источниках также многообразна: кроме ‘отведения’ – это и ‘словопроизводство’, и ‘отклонение’, и ‘образование’. Возможно, с этим некоторым образом связаны разночтения в толкованиях. Впрочем, лексикографическая практика всегда отражала субъективность составителей словарей.

Обобщая многочисленные толкования *деривации*, следует отметить главное: **деривация** – это образование новых языковых единиц или их форм на основе уже существующих языковых единиц при помощи релевантных языковых средств (Баркович, 2017в: 69). Существенно, что *деривация* – воплощенная в речевой деятельности вариативность единиц языка, при которой имеет место «особая форма функционирования слова (функционирования с модификацией)» (Голев, 1989: 3). При этом *релевантность* языковых средств подразумевает, в свою очередь, достаточно широкий спектр идентичности, начиная от характера, стереотипности средств и заканчивая уровневой локализацией процесса. Анализ речевой практики не оставляет места для сомнений в универсальности и общеязыковом характере деривационных процессов: «Слово – не единственный объект деривации / мотивации. Деривация слова – частная разновидность процессов, имеющих общеязыковой характер. Они проявляются при образовании сложных единиц: словосочетаний, предложений, текста, их компонентов – словоформ. Не исключена возможность применения принципа деривации / мотивации к более низким по уровню, чем слово, единицам, например, аффиксам» (Голев, 1989: 29). Как отмечалось Л.Н. Мурзиным, значительно расширившим проблемную область дериватологии, в контексте речевой деятельности язык получает большую степень свободы (Мурзин, 1997: 132).

3. Проблематика формирования деривационной терминосистемы

Многообразие проявлений деривации в лингвистическом контексте обусловило большое разнообразие компетентных суждений по данной проблематике. К ключевым структурным элементам *деривации*, в свою очередь, относят достаточно широкий круг терминов: *дериватов*, *деривантов*, *деривативов*, *дериваторов*, *деривативных единиц*

и т. д. (см., например, Тихонов и др., 2008). Из этого перечня, наверно, только *derivat* (см. ниже) характеризуется относительно непротиворечивым и единообразным толкованием в метаописаниях русского языка.

Термин *дезивация* может быть уверенно отнесен к интернационализмам: англ. *derivation*, фр. *dérivation*, исп. *derivación* и т. д. Подобная идентичность обеспечивает его устойчивость в межязыковом отношении, однако не гарантирует стереотипность развития семантики в разных культурных, социальных – и, что немаловажно сегодня – коммуникационных условиях. Реалии иноязычного или межязыкового взаимодействия, разумеется, не могут не корректировать семантическую динамику и экстралингвистическую специфику каждого отдельно взятого языка. Рассматриваемый случай – не исключение. Так, например, в русскоязычной лингвистике не очень распространены производные от *дезивации* термины *дезиватив* и *дезивант*. Этимологически и функционально данные единицы могут быть уверенно отнесены к заимствованиям-калькам. Их отсутствие во многих словарях, в том числе терминологических, косвенно подтверждает их сравнительно редкую встречаемость в русском языке и является косвенным свидетельством продолжающегося освоения. Однако их эквиваленты *derivative* и *derivant* широко востребованы в английском языке, в том числе вне лингвистического контекста.

Современная коммуникация, особенно опосредованная компьютерными технологиями зачастую позволяет существенно расширить рамки лингвистического контекста. Такова специфика *компьютерно-опосредованного дискурса* – «...речевой деятельности, развернутой в обеспеченной компьютерными технологиями пространственно-временной реальности и обусловленной широким экстралингвистическим контекстом и коммуникационной спецификой» (Баркович, 2015б: 37). С появлением компьютеров эмпирическая обеспеченность лингвистики существенно улучшилась, и по мере развития коммуникационных технологий дискурс в «электронном» формате становится все более репрезентативным (Баркович, 2015а). Особенно целесообразным часто оказывается привлечение ресурсов спонтанной и малокодифицированной речевой практики в ситуациях неустоявшейся, колеблющейся языковой нормы. Как и проявления иных языковых системообразующих отношений реализация модификационного потенциала языка в компьютерно-опосредованной речевой сфере нередко отличается от сложившихся стереотипов, позволяя принять во внимание ресурсы и возможные направления развития той или иной семантики. Так, мы видим, что в языке-доноре «дезивационная» семантика достаточно разнообразна и вариативна:

Frodo Baggins is renamed Frodo Sumkin (a derivative from the Russian word sumka, or bag) (Фродо Бэггинс переименован во Фродо Сумкина (производное от русского слова «сумка», или пакет)) [<http://boingboing.net/2004/05/16-week>];

Derivatives are contracts that are «derived» from an underlying asset such as a bond, a foreign currency or a commodity such as oil or soybeans (Деривативы – это контракты, которые являются производными от базового актива, такого как облигация, иностранная валюта или товар, такой как масло или соевые бобы) [http://usatoday30.usatoday.com/money/companies/management/2009-11-22-gensler-otc-derivatives_N.htm].

Again, although more primitive in construction, you will see the classic v-shaped

profile that is now seen on the Mastiff – the British Army's derivant of the US Cougar mine protected vehicle (Опять же, вы увидите, хотя и более примитивный по конструкции, классический V-образный профиль «Мастиффа» – модификации для британской армии американской «Пумы», обладающего противоминной защитой транспортного средства) [<http://eureferendum.blogspot.com.by/2007/08/we-are-soooo-happy-for-them.html>].

Это тот язык, который является «логистическим центром» для огромного количества современных терминов, в том числе лингвистических, и в котором была создана деривационная матрица значимости. С терминами *derivate* (рус. *дериват*) *derivant* (рус. *деривант*) *derivative* (рус. *дериватив*) в англоязычном лингвистическом контексте, как оказывается, всё далеко не однозначно: они часто используются, но за ними нередко стоят разные денотаты. Так, то, что в русском языке подразумевается, главным образом, под *дериватом* – производной единицей в деривационном процессе, или «производным словом» (Тихонов и др., 2008), – в английском языке может обозначаться и как, собственно, *derivate* (*derivat*), и как *derivant*, и как *derivative*.

И в данной связи уже не удивляет противоречивая презентация элементов референтной терминосистемы в русскоязычном метаязыковом формате. Так, в одном и том же специализированном словаре на соседних страницах «словообразовательный элемент языка» может квалифицироваться и как *деривант*, и как *дериватор*: «ДЕРИВАНТ. То же, что формант словообразовательный»; «ДЕРИВАТОР. 1. То же, что аффикс словообразовательный, формант словообразовательный» (Тихонов и др., 2008). При этом, для обозначения элементов, изменяющих производящую основу слова, вообще-то говоря, есть, как минимум, не менее удачные термины – *дериватема*, *граммема*, *флексионема* (см. ниже), не перегружающие «деривационную» парадигматику. *Дериватема*, кстати, также фиксируется и толкуется данным словарем: как «словообразовательная категория» (Тихонов и др., 2008). Характерно, что при целесообразной аналогии *дериватива* с *формативами*, данный термин здесь почему-то использован в экспоненте женского рода – «дериватива» («... к числу *дериватив...*») и ассоциируется как с *производящей основой*, так и, опять же, с *деривантом*. Конечно, для системного метаописания подобные противоречивые презентации являются скорее проблемой, чем надежным основанием.

Неоднозначной и неполной ассимиляцией характеризуется функциональность в русском языке иноязычной по происхождению лексики *деривант*, важного элемента деривационной терминосистемы. В этой связи следует отметить специфику восприятия в русском языке словообразовательной мотивации с участием исторически иноязычного суффикса *-ант-*. При этом сложившаяся практика, в частности, совершенно не способствует формированию «прозрачной» деривационной концептосферы. Некоторые варианты стереотипной имплементации единицы *деривант* описаны и представлены, в частности, в «Толково-словообразовательном словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой (2000) – кроме «названий лиц» здесь обозначены: «действие по глаголу, названному мотивирующим словом» и «результат такого действия (*вариант*, *диктант*)». Естественно: «... деривационные правила и нормы при воспроизводстве готового деривата необходимо корректируются лексическими нормами (знанием того, что нужное слово существует в определенной форме и находится в определенном

месте лексической системы)» (Голев, 1989: 213), – но практика многообразнее и красноречивее.

Необходимо отметить, что в активе русского языка достаточно много лексики на *ант* – только в «Обратном словаре русского языка» (1974) представлены 120 типологически актуальных единиц. Данные единицы можно считать уже, как минимум, состоявшимися неологизмами, при том, что огромное количество менее освоенной заимствованной лексики в узуальные словари не попадает. Здесь дополнительную сложность создаёт то обстоятельство, что далеко не все из них могут рассматриваться как возможные дериваты на современном этапе развития русского языка. Так, если в таких лексемах как например *квартир-ант*, *конкурс-ант*, *фигур-ант* суффикс *-ант* может быть достаточно четко идентифицирован, то, например, в лексемах *адъютант*, *дилетант*, *педант* его наличие уже практически не ощущается – что говорит, в том числе, об их более раннем заимствовании. Кроме того, референтная и потенциально продуктивная оппозиционная модель типа *адрес-ат–адрес-ант* – практически не распространена в русском языке, будучи заимствованной из немецкого языка в готовом виде (нем. *Adressat–Adressant*). Такие этимологически однокоренные пары слов как *дипломат–дипломант*, *магистрат–магистрант*, *квадрат–квадрант* в русском языке – не более чем паронимы. Тем не менее, оппозиционная модель *-ат–ант* в русском языке объективно присутствует, что вполне может рассматриваться как фактор, благоприятствующий последовательному словоупотреблению лексем *дериват* и *деривант* и формированию полноценной терминологической диады *дериват–деривант*.

В данной ситуации вполне естественным будет вопрос: что должно подразумеваться под терминами *дериват*, *деривант* и *дериватив* в русском языке в контексте системного метаописания? Ответ, как следует из вышеизложенного, неоднозначен, однако, отыскать его необходимо.

Актуально в данном контексте то, что *деривация* и все её производные – как правило, заимствования. Очевидное иноязычное происхождение имеют и такие задействованные в рассматриваемой словообразовательной парадигме суффиксы как *-ив-*, *-ат-*, *-ант-*, *-ор-* (*-ер-*, *-ёр-*) и др. В данной связи целесообразно рассмотреть особенности развития релевантной семантики в контексте англоязычного дискурса – своеобразного ориентира и часто основного терминологического стандарта для современной науки. Так, наиболее употребительным термином для обозначения существительных и прилагательных с «деривационной» семантикой в английском языке является *derivativus* (англ. *derivative*). Существенно, что согласно данным словаря *The American Heritage Dictionary of the English Language* (2011), здесь для лексемы *derivative* (рус. *дериватив*) среди девяти вариантов имеется узкоспециальное «лингвистическое» значение – ‘производное слово’ (*Linguistics: A word formed from another by derivation*). Однако семантической основой для данной лексемы является гораздо более широкая значимость: «... 1. Resulting from or employing derivation: a derivative word; a derivative process» (Возникший в результате деривации или задействованный в ней: *деривативное слово, деривативный процесс*). В контексте русскоязычных метаязыковых реалий *derivative word* (рус. *деривативное слово*) вполне может переводиться и не дословно – например, как *дериватив*.

Таким образом, избегая интерференции множества понятий, «... *деривативами*, видимо, целесообразно называть обобщённые совокупности задействованных в деривационном процессе единиц *лексического* уровня: как *дериватов* – производных, так и *деривантов* – базовых (производящих) единиц» (Баркович, 2017в: 71). *Лексико-семантическая мета-структура деривации* может быть представлена следующим образом:

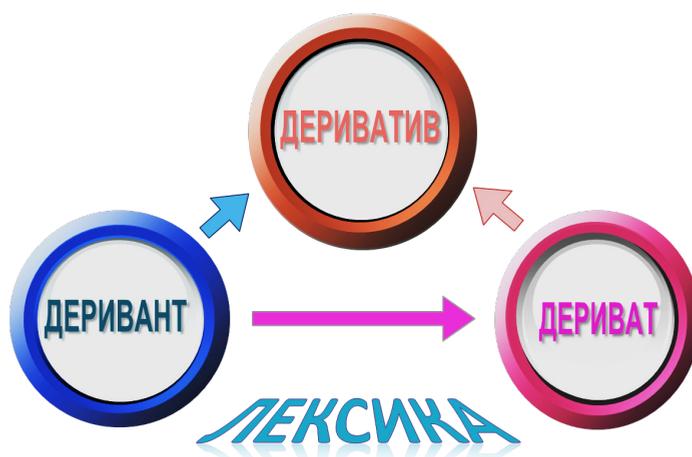

Рисунок 1. Лексико-семантическая мета-структура деривации.

Такая определенность важна для системного метаописания *динамики* языка, при котором одним из важнейших критериев состоятельности базовых элементов будет являться их дискретность. В свою очередь, это позволяет задействовать иерархический потенциал структуры деривационной метамодели. Системообразующими элементами такой субмодели на лексическом уровне оказываются гипероним *дериватив* и оппозиционные гипонимы *деривант* и *дериват*. При этом, разумеется, ввиду сложности деривационных отношений данная проблематика не может быть исчерпана репрезентацией базовых единиц, предполагая дальнейшую структуризацию ее системного метаописания.

4. Современная обусловленность языкового моделирования

Сегодня новые количество и качество доступной для исследований речевой практики обуславливают сдвиг фокуса метаязыковых исследований в сферу *металингвистики*, по-новому актуализируя проблематику системной репрезентации языковой системы (Баркович, 2015б). Разумеется, сегодня, как и прежде, языковая система – абстракция, обеспеченная *метаязыком* и его возможностями «сопоставлять языковые знаки и говорить о самом языке», быть «структурным образованием» (Якобсон, 1985: 316). При этом современная эмпирическая обеспеченность лингвистики позволяет верифицировать и существенно дополнять многие уже существующие представления

в металингвистическом ключе – примером чего может быть системное метаописание деривационных отношений.

В данной связи, в частности, оказывается востребованной такое «... иерархическое и оппозиционное – в идеале, бинарное – метаязыковое обобщение, отражающее динамику деривационных отношений в речевой практике, как *иерархическая метамодель деривации*» (Баркович, 2017б: 108). Иерархическая логика заложена в концептуальной организации любого фрейма как такового: «... структура фрейма складывается по принципу схожести элементов и их связей с подчинительной связью общего и частного» (Балакин, 2015: 53). При этом *мета-модель* (как модель или совокупность моделей) позволяет объединять разнородные непрямо связанные иерархические конструкции, например, разноразмерные субмодели. Соответствующая репрезентация позволяет создавать динамические метаописания, стремящиеся к дискретности, которые, ввиду сложности, не могут быть полностью описаны или верифицированы, например, в аспекте исключительно иерархического структурирования.

Метаязыковое решение, наверно, любых масштабных проблем в условиях современной коммуникации практически нереально найти вне методики моделирования. *Модель* – стабильная обобщенная репрезентация, отражающая идентичность предмета метаописания – актуальнейший ресурс описания языка. Само *метаописание* «... подразумевает репрезентацию объекта в контексте и средствами вторичной семиотической либо абстрактной системы» (Баркович, 2016: 10–11). Преимущества обобщенной репрезентации деривационного измерения языка в виде *модели* очевидны. Подобный подход продуктивен при решении задач высокой сложности, например, для сущностного представления такого сложноорганизованного континуума как *единое семантическое поле языка*. Принципиальное моделирование деривационных отношений, в частности, является одной из предпосылок решения данной сверхзадачи.

Традиционно метаописание языковой динамики ассоциируется с вполне определенной сложностью корректной интерпретации: «Динамическая модель размывает границу между нормой и инновациями (которая – предел – доставляет столько хлопот составителям словарей)» (Падучева, 2004: 16). Однако описывать динамические и функциональные особенности речевой практики необходимо, поскольку это обеспечивает прозрачность процессов языковой системы. Пожалуй, именно в деривационном аспекте динамика языка может быть охарактеризована последовательно и убедительно: не только как констатация «порождения» и «преобразования» отдельных номинативных единиц, но и как непрерывный процесс с присущими ему закономерностями, или «моделями»: производство «из языковых строевых материалов по языковым моделям до известной степени аутентичных конструкций натуральной речи» (Аддиванкин и др., 1984: 10).

Для объективной репрезентации языка важны все элементы его инфраструктуры. И в системном аспекте любая подобная репрезентация неизбежно оказывается обусловлена возможностями формализации и языка. Вместе с тем, при любых попытках объективно соотнести парадигматику языка со сферой его функционирования лингвисты сталкиваются с существенными сложностями. Так, классикой русистики стали попытки вписать в формальные параметры падежную парадигму имен. В частности,

наблюдения А.А. Зализняка над динамикой русской речи послужили аргументом для предложений по существенной модификации падежной модели: «Формально все имена признаются имеющими единую 14-падежную систему» (Зализняк, 2002: 54). А.А. Зализняк (2002: 53) выделил четыре родительных падежа, по два дательных, винительных, творительных, предложных, наряду с именительным падежом и счетной формой. Модель «14-падежной системы» оказалась слишком революционной для русской лингвистики и так и не стала общепринятой. Однако подтверждением ее практической целесообразности стала реализация в «Национальном корпусе русского языка» (Национальный корпус русского языка) 11-падежной словоизменительной модели.

5. Оппозиционная мотивация деривационных отношений

Метаязыковая специфика языковых отношений контрастна при противопоставлении ее элементов, в том числе, производящих единиц производным, мотивирующих – мотивированным, обуславливающих единиц – обусловленным, источников деривации – ее результатам и т. д. Подобные отношения традиционно рассматриваются через призму *оппозиционности* – противоположности, противопоставления двух и более объектов на основании существенного для них признака. Подобный подход очень часто оказывается продуктивным, однако его потенциал наиболее полно раскрывается при системной реализации, позволяя, в частности, анализировать и обобщать многие неочевидные закономерности. Так, семантически прозрачной в данном контексте оказывается функциональность деривационной составляющей оппозиций, подобных диадам *коммуникационный – коммуникативный, номинационный – номинативный* и др. Их существование было бы бессмысленным (и нереализованным) в речевой практике, если бы развитие подобных вариантов не диктовалось потребностями языка в функциональном противопоставлении референтных значений (Баркович, 2015б).

Итак, *оппозиционность* – важная черта системообразующих отношений в языке: «Каждая единица системы определяется ... совокупностью отношений к другим единицам и оппозиций, в которые она входит; единица есть явление относительное и оппозиционное, как говорил Соссюр. Мы отказываемся, таким образом, от мысли, что каждый “факт” языка можно расценивать сам по себе, что он является абсолютной и объективной величиной, которая допускает изолированное рассмотрение» (Бенвенист, 1974: 24). Разного рода противопоставления – одна из основных гносеологических методик: ее самой известной принципиальной реализацией в лингвистике является модель *дихотомии*, например, *язык – речь*.

Афоризм Ф. де Соссюра «в языке нет ничего кроме различий» образно, но в целом объективно описывает практику метаязыковой интерпретации оппозиционных отношений языковой системы (Соссюр, 1977: 152). При этом значимость *оппозиционности* тесно коррелирует с концептуально близкой ей *бинарностью*: в широком контексте оба термина можно рассматривать как синонимические. Вместе с тем, очевидна некоторая гиперонимичность термина *оппозиционность* (чаще – *оппозиция*) по отношению к термину *бинарность*. Предпочтительность терминологической парадигмы «оппозиционности» в прикладной лингвистике обусловлена ее более

широким семантическим потенциалом: релевантных противопоставлений может быть более чем одно – бинарное.

Опираясь на бинарную природу любого противопоставления, языковые отношения, в том числе, деривационные, могут быть рассмотрены в широком спектре, с учетом их градуальности и динамики. Важность *бинарных признаков*, *бинарной шкалы*, отмечал, например, Ю.Д. Апресян (Апресян, 1995: 294). При этом концепция «шкалы неоднозначности» в языковых отношениях подразумевает скорее их оппозиционность: «...семантические поля – по сути классы пересекающиеся; единого разбиения словаря на семантические поля, если не принимать искусственных принципов классификации и не подменять семантические компоненты бинарными или иными дифференциальными признаками, не существует; из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» (Апресян, 1995: 252).

Метаязыковая рефлексия семантики *бинарности* – *оппозиционности* характеризуется рядом особенностей. Так, презентации *бинарности* нет в части «словарей лингвистических терминов», например, у Ж. Марузо, Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, Т.В. Жеребило и др. (Марузо, 1960; Розенталь и др., 1976; Жеребило, 2010). При этом особых сложностей с толкованием *бинарности* не наблюдается: «1. Составленный из двух частей, имеющий две составляющих (*англ.* constituents). 2. Исходящий из двучленности как обязательного (конституирующего) свойства изучаемого лингвистического объекта и, следовательно, методологической основы его исследования и описания. **Бинарный принцип** (дихотомический принцип) *англ.* binary principle. Принцип описания языковых систем, основанный на предположении, что фонологическая – и даже морфологическая – система каждого языка поддается сведению к ограниченному числу бинарных оппозиций. **Бинарное противопоставление** *см.* противопоставление» (Ахманова, 1966).

Однако в толковании *оппозиционности* понятийный потенциал *бинарной* семантики практически не используется: так, в словаре О.С. Ахмановой (Ахманова, 1966) *оппозиционность* характеризуется с помощью семантики *противопоставления*: «ОППОЗИЦИЯ. То же, что противопоставление». В свою очередь, объемная словарная статья данного словаря дифференцирует множество признаков значимости «противопоставление», среди которых *бинарности* отведено явно второстепенное место: *противопоставление антитезное, противопоставление билатеральное, противопоставление бинарное, противопоставление градуальное, противопоставление дифференциальное, противопоставление изолированное, противопоставление количественное, противопоставление константное, противопоставление многостороннее, противопоставление морфологическое, противопоставление привативное, противопоставление пропорциональное, противопоставление фонологическое, противопоставление эквиолентное*. При этом сложность инфраструктуры *оппозиции* не вызывает сомнений: *внешний член противопоставления, крайний член противопоставления, средний член противопоставления*; равно как и ее системный потенциал: *противопоставление фонологическое косвенное, противопоставление фонологическое прямое,*

противопоставления фонологической основы (Ахманова, 1966). Подобная недооценка феноменологической сущности оппозиционных отношений явно не способствует последовательности и целостности металингвистических обобщений, что особенно очевидно в контексте тотального доминирования статистической модели коммуникации в современных условиях функционирования языка.

На практике метаописание *оппозиции* (противопоставления), к сожалению, зачастую является фрагментарным, традиционно ограничиваясь фонологией – либо прямо апеллируя к ней: «Одна из комплексных единиц системы фонем, фонемная группа» (Жеребило, 2010), либо косвенно: «Противопоставление двух или нескольких однородных единиц языка, проводимое для выявления различий между ними. *Оппозиция лабиализованных и нелабиализованных гласных. Оппозиция глухих и звонких согласных*» (Марузо, 1960; Розенталь и др., 1976). *Морфологические оппозиции* упоминаются в лексикографическом контексте *противопоставления, оппозиции* лишь факультативно (Ахманова, 1966; Жеребило, 2010). Другие уровни языковой системы в оппозиционном аспекте упоминаются крайне редко.

Таким образом, лингвистическая репрезентация оппозиционных отношений является фрагментарной и многообразной, что затрудняет ее использование и развитие. И, если для лингвистически не самого сложного фонетического уровня метаязыковая неопределенность *оппозиционности* не является критичной, то для более сложных языковых уровней недостаточное обеспечение оппозиционной значимости системной метаязыковой поддержкой, видимо, является явно сдерживающим фактором. Хотя отдельные попытки систематизации лексических и грамматических (главным образом, морфологических) оппозиций предпринимались (компонентный анализ, анализ по непосредственным составляющим и др.), говорить о создании общепризнанных теорий и методологий на фундаменте оппозиционных отношений – выше фонетического уровня – пока не приходится. На сложность описания оппозиционной специфики на грамматическом уровне указывал, в частности, Р. Якобсон: «Однако здесь мы сталкиваемся с существенным различием между фонологической и грамматической оппозицией: в первом случае связанные друг с другом противоположности располагаются в плоскости восприятия языка (*signans*, или «означающее»), тогда как во втором случае такие противоположности лежат в плоскости понимания языка (*signatum*, или «означаемое») (Якобсон, 1985: 314). Значение же непротиворечивого системного метаописания в комплексной многоуровневой репрезентации языка вообще сложно переоценить: «Беспримерная эффективность языка коренится в последовательном наложении нескольких взаимосвязанных уровней, каждый из которых особым образом структурирован» (Якобсон, 1985: 314). Тем самым говорить о системном метаописании языковых отношений, в том числе деривационных, на оппозиционном основании необходимо, так как здесь имеется весьма значительный, но мало задействованный лингвистический ресурс.

6. Металингвистический потенциал моделирования деривации

Несоответствие классических грамматических канонов речевой практике, пожалуй, наиболее очевидно при попытках создать программные средства обработки

текстов. Так происходит не только в самой сфере компьютерно-опосредованной коммуникации, но и при коммуникации, сориентированной в благоприятных социальных или прагматических обстоятельствах на высокий уровень соответствия норме. Характерными свидетельствами недостаточной объективности и, если называть вещи своими именами, искусственности грамматик являются поиски актуального формата машинного перевода, основанного на правилах, нестандартная для теории языка презентация грамматических моделей в корпусных менеджерах и др.

Для языков преимущественно синтетического склада, таких как русский, номинационные характеристики тесно связаны с деривационными. Именно тандем номинационно-деривационных тенденций определяет направление развития языка. Отличительные черты состояния языковой системы и факторы, формирующие показатели ее наполнения, во многом определяют логику развития категорий. Компьютерно-опосредованный сегмент общезыковой реализации характеризуется ярко выраженными статистически- и информационно-совместимыми возможностями соответствующей сферы речевого функционирования.

Цифровой характер данных обработки текстов, составляющих объективную сторону сферы, позволяет делать целый ряд выводов высокой точности относительно в первую очередь формальных черт текстов. Примером решения в таком ключе частной лингвистической задачи может служить квалификация содержания текстов в электронном виде в части установления степени лингвистической, включая грамматическую, вариативности фрагментаречи. Алгоритм такого исследования требует разработанности грамматического кодекса языка для интерпретации программного обеспечения. В данном контексте типичная научная задача — исследование такого специфического объекта языковой реальности, как идиолект писателя.

Исследования прикладного характера целесообразно проводить на базе достаточно представительных массивов текстов. Метаописания такого рода присутствуют в работах авторитетных специалистов. Разнообразие задействованного в корпусных ресурсах словарного состава уже успешно определялась с помощью «соотношения словоформа–токен» (англ. Type–Token Ratio, или TTR):

«Мера словарного разнообразия в корпусе в цифровом выражении равна сумме словоформ, разделенной на сумму токенов. Чем ближе соотношение к 1 (или 100%), тем шире вариативность словаря. Эта статистика не позволяет непосредственно сравнивать между собой корпусы различных размеров» (McEnergy и др., 2012: 253).

Результативные эксперименты проведены на материале английского языка, материал текстовых массивов на других языках также доступен для подобной обработки. Более того, для гораздо более синтетического русского языка ориентированные на методику исчисления индекса, а не коэффициента исследования несомненно более релевантны: объективным показателем для разветвленной системы словоизменения славянского языка является ориентация именно на уровень леммы. Изучение относительной – без жесткой обусловленности объемом текста или гипертекста – соответствующей характеристики актуально для исследований языка в прикладном отношении.

Термин *лемма* часто используется параллельно с другим термином – *лексема*. Их корректное применение легко дифференцировать, если рассматривать данные понятия в аспекте дихотомии «язык–речь». Итак, *лемма* как атрибут речевой

реализации и 'совокупность форм слова' явно отличается от *лексемы*, как 'понятия' и абстрактной характеристики, присущей языковой системе. Отдельно нужно сказать о корректном применении термина *словоупотребление*, приобретшего многозначность и разноплановость. Традиционное понимание под словоупотреблением 'варианта реализации лексемы в разных значениях' в прикладной лингвистике обладает более широким объемом семантики – 'использования слова как в разных значениях, так и в различных формах и контекстах'.

Так, именно *словоупотребления* в прикладном понимании подразумеваются, например, в корпусных исследованиях. В проекте *InterCorp: projekt paralelních korpusů Filozofické fakulty Univerzity Karlovy v Praze* (InterCorp) заявлено наличие около 7 588 000 русских, 1 493 000 – украинских и 1 308 000 – белорусских словоупотреблений, или *токенов*. В многоязычном корпусном проекте *ParaSol: A Parallel Corpus of Slavic and other languages* (ParaSol) словоупотреблений – 18 085 532. Здесь среди «других языков» 7 646 832 токена представляют славянские языки. В том числе, наряду с другими славянскими языками представлены русские тексты как 3 637 357 токенов и 78 997 лемм; украинские тексты – 1 017 057 токенов и 33 563 леммы; белорусские тексты – 482 467 токенов и 24 131 лемма.

Для оценки парадигматического разнообразия лексического состава корпуса целесообразно сравнение количества словоупотреблений корпуса и лемм, к которым они принадлежат. Такое соотношение в цифровом выражении, определяется как *индекс деривационности* (англ. Derivability Index), или I_D — показатель, который формируется в результате соотношения количества словоупотреблений текста или совокупности текстов с количеством словоупотреблений леммы (Баркович, 2017б). В корпусе *ParaSol* (ParaSol) для русского языка индекс I_D будет равен $\approx 46,04$ (3 637 357 токенов / 78 997 лемм), украинского – $\approx 30,3$ (1 017 057 токенов / 33 563 леммы), белорусского – $\approx 19,99$ (482 467 токенов / 24 131 лемма), соответственно.

Несомненно, что деривационная динамика речевой практики в значительной степени зависит от особенностей коммуникации, но системное рассмотрение данной проблематики позволяет определить некоторые релевантные в общезыковом контексте характеристики. Так, тексты многоязычного лингвистического корпуса, как правило, – в том числе тексты корпуса *ParaSol* – являются унифицированными и отражающими репрезентативность языков, ка которых они созданы. Возможность их сравнения и их металингвистическая совместимость обеспечена логикой корпусного дискурса. Данные, полученные в данном контексте посредством корректной процедуры индексирования, позволяют оценить модификационный потенциал типологически близких языков. В частности, сравнительный анализ русского, украинского и белорусского языков позволяет сделать вывод о том, что деривационная активность русского языка выше аналогичных показателей украинского и белорусского языков, при всем сходстве восточнославянских языков и грамматик.

7. Специфика концептуального моделирования деривации

Исследование структуры языковых отношений малоперспективно без обращения к релевантным концептуальным основаниям. В аспекте деривации очевидна

существенная металингвистическая значимость таких синтетических понятий как *дериватема*, *граммема* и *флексионема*, отражающих как словообразовательную, так и словоизменительную специфику деривационных отношений русского языка. При этом их системное метаописание до настоящего времени является дискуссионным.

Так, несмотря на более чем полувековую историю термина *граммема*, он остается не особенно востребованным и популярным, обладая несомненным, но не до конца раскрытым метаязыковым потенциалом. Одним из первых среди российских лингвистов на него обратил внимание А.А. Зализняк: «*Граммемой* мы будем называть всякий отдельный грамматический элемент значения, для которого не нашлось сопряженного с ним грамматического же элемента, а также всякую пару сопряженных между собой грамматических элементов. Совокупность всех однородных между собой граммем называется грамматической категорией. Примеры грамматических категорий: число (как обозначение совокупности граммем «ед. число» и «мн. число»), падеж, род и т. д.» (Зализняк, 2002: 27).

Однако, толкование термина *граммема* через значимости одновременно 'элемента', 'пары' или 'совокупности' скорее генерирует новые вопросы, чем решает задачи дефиниции *граммемы*. Вместе с тем, предложенная А.А. Зализняком идея об идентификации некоторых грамматических категорий русского языка как 'совокупности граммем' безусловно перспективна. И, видимо, неслучайно попытку оппозиционной интерпретации деривационных отношений предпринял И.А. Мельчук, не только переосмыслив термин *граммема* в контексте метаязыковых исследований, но и дополнив его характеристику в контексте оппозиционных отношений, в частности, сопоставив его с *дериватемой*. Значимость *дериватемы* И.А. Мельчук объяснил именно через ее противопоставление *граммеме*:

Граммемы имеют тенденцию:

- 1) быть абстрактными;
- 2) иметь относительно широкую сочетаемость;
- 3) иметь стандартные средства выражения;
- 4) фигурировать в синтаксических правилах;
- 5) избегать амальгамирования с лексическими значениями;
- 6) выражаться показателями, которые располагаются дальше от корня, чем

показатели дериватем;

- 7) не изменять частеречность исходной основы (Мельчук, 1997: 282).

Дериватемы имеют тенденцию:

- 1) быть определенными;
- 2) иметь относительно ограниченную сочетаемость;
- 3) иметь нестандартные средства выражения;
- 4) оставаться вне сферы действия синтаксических правил;
- 5) допускать амальгамирование с лексическими значениями;
- 6) выражаться показателями, которые располагаются ближе к корню, чем

показатели граммем;

- 7) изменять частеречность исходной основы (Мельчук, 1997: 282).

Существенным свойством *дериватемы* И.А. Мельчук (Мельчук, 1997: 284) признал то, что «дериватемы различают разные лексемы». В качестве иллюстрации граммемно-

дериватемной оппозиции И.А. Мельчук предоставил такой пример: «В русском языке *работа + ет + ся* [как], где *работа* – это основа, *-ет* – окончание 3–го лица в настоящем времени (граммема – А.Б.), а *-ся* – возвратный суффикс, который служит для образования одного глагола от другого со значением ‘процесс X-а идет Y-ово’ (дериватема – А.Б.)» (Достоевский, 1973: 418) (Мельчук, 1997: 281). Вместе с тем, предложенную корреляцию значения *дериватемы* со словообразовательным аспектом *деривации*, а *граммемы* – со словоизменительным аспектом нельзя назвать полностью прозрачной. Сам И.А. Мельчук, понимая некоторую семантическую противоречивость созданной им оппозиционной модели предложил ввести в оппозиционную репрезентацию термин *флексионема*: «Логически более последовательно было бы ввести термин *флексионема* для значений словоизменительных категорий и употреблять термин *граммема* для совокупности флексионом и дериватем. Мы, однако, не решились слишком резко нарушить традицию» (Мельчук, 1997: 251).

Характерным в рассуждениях И.А. Мельчука явилось стремление максимально четко определить идентичность деривационных закономерностей через анализ взаимоисключающих «позиций» – оппозиций, по сути: «*Категорией* называется максимальное множество значений, которые исключают друг друга в одной и той же позиции (семантической или логической)» (Мельчук, 1997: 247).

Вместе с тем, дискуссионная «традиция» метаописания деривационных отношений, с точки зрения семантики когерентных понятий, может быть представлена и более последовательно – в рамках *иерархической метамодели деривации* (Баркович, 2017а). И в данном контексте ключевым средством (компонентом) референтного структурирования на морфологическом уровне оказывается *конструкт* – метаязыковая субмодель обобщающего, созидательного качества. Конструкт по определению взаимосвязан, соотносим и совместим с другими элементами деривационной конституции языка. Таким образом, *дериватему* целесообразно представлять как обобщенную совокупность словообразовательных и словоизменительных конструктов; парадигматическое средство, которое, как правило, на регулярной основе реализует оппозиционную специфику словообразовательного или словоизменительного типа. Соответственно, *граммема* – это словообразовательный конструкт; парадигматическое средство, которое на регулярной основе реализует оппозиционную специфику словообразовательного типа. А *флексионема*, в свою очередь, – словоизменительный конструкт; парадигматическое средство, которое, как правило, на регулярной основе реализует оппозиционную специфику словоизменительного типа (Баркович, 2017г: 261). *Морфологическая мета-структура деривации* может быть представлена следующим образом:

Рисунок 2. Морфологическая мета-структура деривации.

Такая дифференциация представляется обоснованной, являясь релевантной моделированию оппозиционной специфики деривационного измерения языка. Для системного метаописания важно констатировать иерархический характер подобной репрезентации деривационных отношений, в соответствии с которым *дериватема* является терминологическим гиперонимом, а *граммема* и *флексионема* – терминологическими оппозиционными гипонимами.

Таким образом, в современных условиях востребованность работоспособных моделей речевой практики постоянно возрастает: «При всей значимости для современной лингвистической парадигмы эмпирических данных развитие лингвистики как науки не может не сопровождаться систематизацией и обобщением первичных данных, их моделированием на уровне метаописаний, практикой репрезентации и интерпретации обобщений» (Баркович, 2016: 11). Деривационная специфика – один из потенциально продуктивных аспектов изучения языковой динамики, а доминирующий сегодня компьютерно-опосредованный формат речевой деятельности делает такое изучение весьма актуальным. Релевантное моделирование предполагает тесную корреляцию метаязыковой практики со спецификой современной коммуникации.

8. Выводы

Системная репрезентация позволяет констатировать целесообразность метаописания деривационных отношений как весьма актуальную лингвистическую проблематику. Именно такой подход позволяет осуществлять стратегию целостного и функционального обеспечения современной коммуникации эффективным метаязыковым инструментарием, в том числе совместимым со статистическими и формальноязыковыми средствами компьютерно-опосредованной коммуникации и Искусственного Интеллекта. Проведенное исследование показывает, что релевантная лингвистическая репрезентация должна базироваться на принципах *оппозиционности*, в том числе бинарности, и *иерархичности*, что не исключает практики создания и использования *мета-моделей*. Системное метаописание *деривации* обуславливает ее широкоформатное толкование, включающее как словообразовательный, так и

словоизменительный аспекты языковой модификации. Наиболее существенной метаязыковой семантикой обладают такие элементы терминосистемы как *дериватив*, *деривант* и *дериват*. В свою очередь, в металингвистическом аспекте моделирование целесообразно основывать на таких конструктах, как *дериватема*, *граммема* и *флексионема*. Задачи создания многоаспектной модели деривационных отношений в языке не исчерпываются прояснением вышеописанных лингвистических вопросов, предполагая дальнейшую разработку релевантной проблематики.

REFERENCES

- Адливанкин, С.Ю., Мурзин, Л.Н. (1984). О предмете и задачах дериватологии. *Деривация и текст*. Межвуз. сб. науч. тр., 3–12.
- Апресян, Ю.Д. (1995). *Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка*. Москва: Языки русской культуры.
- Ахманова, О.С. (1966). *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Сов. энцикл.
- Балакин, С.В. (2015). *Концептуальная система русского, французского и португальского языков: деривационный потенциал*. Екатеринбург: УрГУПС.
- Баркович, А.А. (2017а). Иерархическая метамодель деривации: специфика компьютерно-опосредованной репрезентации. *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*, 27(2), 268–272.
- _____ (2017б). *Информационная лингвистика: Метаописания современной коммуникации*. Москва: Флинта: Наука.
- _____ (2017в). Метаязыковая специфика моделирования: деривационный аспект. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. № 7 (168), 68–72.
- _____ (2017г). Оппозиционная репрезентация деривационных отношений: метаязыковой потенциал. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. Т. 16, № 4, 255–264.
- _____ (2016). Корпусная лингвистика: специфика современных метаописаний языка. *Вестник Томского государственного университета*. № 406, 5–13.
- _____ (2015а). *Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация*. Москва: Флинта : Наука.
- _____ (2015б). Функциональность диады «коммуникационный – коммуникативный»: дискурсивный аспект. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. № 5 (37), 37–52.
- Бенвенист, Э. (1974). *Общая лингвистика* [пер. с франц.]. Москва: Прогресс.
- Голев, Н.Д. (1989). *Динамический аспект лексической мотивации*. Томск: Изд-во Томского ун-та.
- Ефремова, Т.Ф. (2000). *Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: Св. 136000 слов. ст., ок. 250000 семант. ед.: В 2 т*. Москва: Рус. яз.
- Жеребило, Т.В. (2010). *Словарь лингвистических терминов*. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим».
- Зализняк, А.А. (2002). *«Русское именное словоизменение» с приложением избранных*

- работ по современному русскому языку и общему языкознанию.* Москва: Языки славянской культуры.
- Курилович, Е. (1962). Деривация лексическая и деривация синтаксическая. *Очерки по лингвистике.* Москва: Изд-во иностр. лит., 57–70.
- Марузо, Ж., (1960). *Словарь лингвистических терминов.* Москва: Издательство иностранной литературы.
- Мельчук, И.А. (1997). *Курс общей морфологии.* Том I. Введение. Часть первая: Слово. Москва: Языки русской культуры.
- Мурзин, Л.Н. (1997). О степенях свободы языка. *Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Памяти Э.В. Кузнецовой.* Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 127–133.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 30.07.2018).
- Обратный словарь русского языка: Около 125000 слов. Москва: Сов. энциклопедия, 1974.
- Падучева, Е.В. (2004). *Динамические модели в семантике лексики.* Москва: Языки славянской культуры.
- Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. (1976). *Словарь-справочник лингвистических терминов.* Москва: Просвещение.
- Соссюр, Ф. де. (1977). *Курс общей лингвистики. Труды по языкознанию.* Москва: Прогресс, 31–273.
- Тихонов, А.Н., Хашимов, Р.И., Журавлева, Г.С. и др. (2008). *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий.* Русский язык: в 2 т. Москва: Флинта, Наука.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998.
- Якобсон, Р. (1985). Речевая коммуникация. *Избранные работы.* Москва: Прогресс, 306–318.
- InterCorp: projekt paralelních korpusů Filozofické fakulty Univerzity Karlovy v Praze. URL: <http://www.korpus.cz/intercorp/?req=page:info>. (accessed 30.07.2018).
- McEnery, A., Hardie, A. (2012). *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Online Etymology Dictionary. Available at: <http://www.etymonline.com> (accessed 30.07.2018).
- ParaSol: A Parallel Corpus of Slavic and other languages. URL: <http://parasol.unibe.ch>. (accessed 30.07.2018).
- The American Heritage Dictionary of the English Language [5th edition]. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2011.